

**СЛАВЯНСКАЯ
ПАРЕМИОЛОГИЯ И ПАРЕМИОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»**

Коллективная монография

Санкт-Петербург – Смоленск
2022

УДК 811.16:398.9
ББК 81.2-3
С47

Ответственные редакторы / Impressum:

Х. Вальтер (Германия), А.В. Королькова (Россия),
В.М. Мокиенко (Россия), С.И. Николаев (Россия)

Редакционная коллегия:

Т.В. Володина (Беларусь), И.В. Кузнецова (Россия),
А.В. Савченко (Россия–Тайвань)

Рецензенты / Rezensenten:

М.Ю. Котова (доктор филологических наук, профессор СПбГУ)
Т.Г. Никитина (доктор филологических наук, профессор
Псковского государственного университета)

С47

Славянская паремиология и паремиография петровского времени: взаимодействие «Своего» и «Чужого»:
коллективная монография / Х. Вальтер, Е.В. Генералова,
И.Г. Гулякова, Л.Б. Воробьева, А.В. Королькова, И.В. Кузнецова,
В.М. Мокиенко, С.И. Николаев, Е.К. Николаева,
Л.П. Павлова, Л.М. Рязановский, Е.И. Селиверстова, Л.Л. Федорова,
Л.Ф. Щербачук. – Санкт-Петербург: СПбГУ; Смоленск: СГУ, 2022. – 160 с.

ISBN 978-5-88018-704-1

УДК 811.16:398.9
ББК 81.2-3

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-42008
«Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный
феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)»,
реализуемого в Санкт-Петербургском государственном
университете*

ISBN 978-5-88018-704-1

© Коллектив авторов, 2022

Vis begint aan de kop te stinken полностью соответствует русской «Рыба начинает гнить с головы». Это выражение впервые встречается в сочинениях древнегреческого историка, философа и писателя Плутарха. Также совпадает в двух сопоставляемых языках пословица *Als het schip zinkt, zwemmen de ratten er uit* и «Когда корабль тонет, крысы бегут с него». В этой пословице нашло свое отражение суеверие моряков, что крысы чувствуют, что корабль может потерпеть в море кораблекрушение. В мировой литературе это выражение впервые встречается в пьесе Шекспира «Буря» в 1611 году. Пословица *Die slaapt, vangt geen vis* сообщает важный жизненный опыт человека: чтобы выполнить любое, даже самое несложное дело, нужно приложить усилия. Ее можно сопоставить с русской *Без труда не выловишь и рыбку из пруда*.

Проанализировав нидерландские «морские» пословицы, можно сделать вывод, что при больших лексических заимствованиях в эпоху Петра I из нидерландского языка в русский «морские» пословицы в большинстве своем остались для нас «чужими».

Елена Каировна Николаева
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
elena_kairovna@mail.ru

Двуязычная польско-русская фразеогрфия XVIII века

В статье рассматриваются способы перевода фразеологизмов и пословиц на близкородственный язык в двух лексикографических источниках XVIII в.: польско-русском словаре К.А.Кондратовича (1775 г.) и небольшой подборке пословиц в «Букваре для обучения юношества чтению по российску и по польску», изданном в Бердичеве в 1796 г., которую можно рассматривать как первый печатный польско-русский или русско-польский словарь пословиц.

В XVIII в. (особенно в первой половине) основные силы отечественных филологов-лексикографов были сосредоточены на составлении двуязычных и многоязычных словарей, что объяснялось расширяющимися связями России с другими странами, развитием переводческого дела в Петровскую эпоху и началом преподавания иностранных языков в учебных заведениях, среди которых был и польский.

Первый печатный церковнославяно-польский словарь «Лексикон сиречь словесник славенский имеющ в себе, словеса первее славенския, азбучныя, посемже полския» вышел в свет 1722 г. в типографии Супрасльского монастыря. Среди 4000 единиц в нем встречается лишь 10 словосочетаний, из которых фразеологизмами можно назвать (с некоторой долей условности) лишь 5. Считается, что основу словаря составляет Лексикон Памвы Берынды 1627.

Иная картина наблюдается в польско-русском словаре К.А. Кондратовича, изданном в Санкт-Петербурге Академией наук в 1775 г. Фразеология (в широком понимании этого термина) здесь представлена шире, что дает возможность выявить некоторые приемы передачи фразеологизмов средствами другого (близкородственного) языка, используемые лексикографами XVIII в.

Словарь состоит из трех частей: а) вступление и приложения к нему в конце названия польских месяцев с русским переводом; б) польско-русский словарь – основная часть этого труда; в) библейный польско-славяно-латинский словарик. Словарь предназначался для переводчиков с польского (так обозначено во Вступлении), и, видимо, поэтому был известен не только в России, но и в Польше (в польских библиотеках сохранилось несколько экземпляров). Хотя известно, что широкого признания этот словарь не получил и довольно быстро был забыт. Причиной этого довольно быстрого забвения послужил, в частности, тот факт, что источником словаря стал, как считает А.А. Обрембская-Яблоньская, один из многочисленных польско-латинских словарей, переделанных из знаменитого «Тезауруса» Кнапского (1621 г.) для школьного употребления: *«То обстоятельство, что состав слов опирается на устарелого Кнапского, в то время как в первой половине XIX в. появляются иностранные польско-русские словари Мюллера (1829 г.), Бартошевича (1841 г.), черпающие более современный состав польских заголовков из «Словаря польского языка» С.Б. Линде или из других двуязычных словарей (как например, «Польско-немецкий словарь» И.К. Троянского) было причиной, как я полагаю, того, что он был скоро позабыт, хотя мы знаем, что в свое время им пользовался А. Востоков в своих этимологических исследованиях»* (Обрембская-Яблоньская 1958: 603).

Лексикографическая традиция XVIII в., естественно, воспринимала фразеологию недифференцированно от лексики, поэтому многие переводные словари этого времени содержат ценные сведения о начале словарной обработки фразеологизмов, демонстрируют разные способы передачи фразеологизмов на

другой язык. Не составляет исключения и словарь К.А. Кондратовича, в который включены словосочетания различных типов, в том числе и такие, которые можно отнести к фразеологизмам, но, к сожалению, они не очень многочисленны:

1. *Baie bajkę⁷* – сказки сказываю, балагурю, вру, пустошь мелю.
2. *Bierze tu się na zdrowie* – начинаешь выздоравливать,правляться.
3. *Bladym czynię* – в страх привожу.
4. *Chowam się dobrze z kim* – под защитой живу, в покровительстве, под кровом.
5. *Day mi pokój* – не тронь меня, не замай, дай мне покой.
6. *Dodać serca do złego* – побуждаю, втрапливаю.
7. *Knuić w głowie* – затеваю, замышляю.
8. *Krew w ciele* – кровь в теле.
9. *Łeda tako* – кое-как, на живую нить.
10. *Kozieł na ciele* – морщины на лице, угрюмость.
11. *Koziełek na głowie przewrócić* – кубарем оборотиться.
12. *Mat kogo na oku* – содержи кого в памяти, стараюсь об ком.
13. *Mat co na baczeniu* – помышляю, думаю об чем.
14. *Dobra łacina* – чистота в речах.

Приведенный небольшой список демонстрирует практически все типы перевода ФЕ, используемые К.А. Кондратовичем: 1) поиск фразеологического эквивалента (1, 8); 2) подбор фразеологического аналога (3, 9); 3) перевод свободным словосочетанием (2, 5, 12, 15); 4) перевод отдельным словом (1, 6, 7, 13). В ряде случаев автор приводит целый синонимический ряд, в составе которого и лексемы, и словосочетания (1, 5). Следует отметить, что Кондратович весьма последовательно избегает буквального перевода ФЕ, и это большое достоинство словаря. Известно, что русская часть формируется у К.А. Кондратовича совершенно независимо (Обремская-Яблоньская 1958: 602). Для этих переводов он использовал свой собственный богатый материал, предназначенный для большого русского академического словаря. И этот материал весьма ценен для историка русской фразеологии. К сожалению, общее количество фразеологизмов в словаре К.А. Кондратовича незначительно, нет там и пословиц.

⁷ Фразеологизмы польской части приводятся в орфографии источника.

Важным источником по истории двуязычной фразеологии XVIII в., где содержится богатый фразеологический материал, являются учебники (грамматики и буквари) польского языка⁸. В одном из них, в «Букваре для обучения юношества чтению по российску и по польску», изданном в Бердичеве в 1796 г., опубликована интересная подборка из 23 польских и 23 русских пословиц, которую можно рассматривать как первый печатный польско-русский или русско-польский словарь пословиц. Подборка на русском языке названа «Приповести», на польском – «Przypowieści», и обе, хотя и напечатаны на разных страницах, представляют собой параллельные тексты на русском и польском языках. Русские пословицы напечатаны на стр. 33, а польские – на 34. Логично предположить, что перевод осуществлялся с русского на польский, хотя этому противоречит, на первый взгляд, название подборки, для которого использован уже вышедший к концу XVIII в. из употребления термин «приповести», являющийся полонизмом в русском языке (см.: Николаева, Николаев 1999: 77–85). В польской подборке присутствуют 7 единиц, которые не зафиксированы в фундаментальном собрании польских пословиц и поговорок под редакцией Ю. Кшижановского (далее – НКР): *Najnieznośniejsze jest ubóstwo; Skoro z oczu, wnet i z pamięci; Niepomysłne doniesienia całą radość zmieszały; Tam dobrze, gdzie na chlebie nie zbywa; Prędzej można niedźwiedzia nauczyć czytać, a osła tańczyć; Gniej drzewo gdy się giąć daje; Na upartego dubina*). 10 польских выражений записаны в форме, отличной от фиксации в НКР. В русской же подборке пословиц 21 единица (из 23) зафиксирована в различных сборниках пословиц XVIII в. Не удалось обнаружить источник двух: *В нетопленную печь хлебы сажать; Сие так полезно есть, как слепому зеркало*. Сравнение записей в русских сборниках XVIII века, которые могли быть доступны составителю «Букваря», показало, что основная часть пословиц (17 ед.) находит соответствие в Вейсмановом Лексиконе 1731 г. или вообще только в нем и была зафиксирована:

1. Скорбная вещь есть нищета.

Тяжкая (скорбная) вещь есть нищета – Лексикон 1731, 39.

⁸ В XVIII в. в России вышли 3 грамматики польского языка: Семигиновский М. Грамматика польская для пользы и употребления российского юношества. Киев, 1791; Благодаров Я.И. Краткие правила польского языка с присовокуплением к ним употребительнейших слов, разговоров и примеров для чтения. М., 1796; Буквар для обучения юношества чтению по российску и по польску. *Elementarz dla uczenia młodzieży czytać po rossyjsku i po polsku*. Бердичев, 1796.

2. Кто на молоке ожёгся, тот и на воду дует.

Кто на молоке ожёгся, тот и на воду дует – Лексикон 1731, 24, 331.

Кто озжётся на молоке, тот подует и на воду – Сим., 148.

На молоке обжётся – и на воду станешь дуть – Петр. галер. нач. XVIII в., 31.

На молоке ожёгшись (ожжётся), а (и) на воду дуешь – Тат. нач. XVIII в., 57; Богд. 1741, 98.

3. Как скоро из глаз, так и из памяти вон.

Как скоро из глаз вон, так из памяти вон. – Лексикон 1731, 51.

4. Яйца курицу учат.

Яйца курицу учат – Лексикон 1731, 184.

5. Ворон ворону глаза не выклювает.

Ворон ворону глаза не выклюнет – Сим., 85; Петр. галер. нач. XVIII в., 25; Тат. нач. XVIII в., 48;

Лексикон 1731, 252, 527, 762.

6. Рубашка ближе к плечам чем кафтан.

Рубашка ближе к плечам, чем кафтан – Лексикон 1731, 88.

Рубашка ближе кафтана – Тат. нач. XVIII в., 61.

Рубашка к телу ближе – Кург. 1793, 136.

7. За кем счастье за тем и люди.

За кем счастье – за тем и люди – Лексикон 1731, 254.

8. Гора с горою не сойдётся, а человек с человеком сойдётся.

Гора с горою не сойдётся, а человек с человеком сойдётся – Лексикон 1731, 81.

9. Худые ведомости все веселие испортили.

Худые ведомости всё веселие испортили – Лексикон 1731, 106.

10. Там добро, где хлеба довольно.

Там добро, где хлеба довольно – Лексикон 1731, 111.

11. Горшок котлу насмеваётся.

Горшок котлу насмеваётся – Лексикон 1731, 181.

12. Скоряе можно медведя грамоте научить, осла плясать.

Скоряе можно медведя грамоте научить: осла плясать – Лексикон 1731, 181.

13. На языке мед, а под языком лёд.

На языке мёд, а под языком лёд – Лексикон 1731, 328, 763.

На языке медок, а на сердце ледок – Кург. 1793, 132.

14. Гни дерево как ещё гнётся.

Гни дерево, как ещё гнётся – Лексикон 1731, 331.

15. Малых воров вешают, а больших прощают.

Малых воров вешают, а больших прощают – Лексикон 1731, 134, 336.

16. На упрямого дубина.

На (про) упрямого – дубина – Лексикон 1731, 342.

17. Какому быть в старости, млады лета объявляют.

Какому быти в старости, юность, младые лета объявляют – Лексикон 1731, 444.

«Немецко-латинский и русский лексикон» 1731 года, чаще именуемый Вейсмановым Лексиконом, занимает особое место в истории русской лексикографии. Он является первым словарем, широко отразившим лексику народно-разговорного происхождения и фразеологию русского языка конца XVII – начала XVIII в., в состав которой вошли не только исконно русские, но и заимствованные единицы. Этот словарь оказал значительное влияние на развитие лексикографии XVIII в. и явился непосредственным источником целого ряда рукописных словарей. Видимо, и составитель «Букваря» 1796 г. не избежал влияния Лексикона 1731 г., возможно, посредством одного из многочисленных небольших двуязычных словариков, созданных на его основе.

При анализе русско-польских соответствий пословичной подборки «Букваря» достаточно четко выделяются 3 группы: 1) полные пословичные эквиваленты; 2) частичные пословичные эквиваленты; 3) кальки.

Единицы первой группы полностью совпадают в обоих языках и зафиксированы в русских и польских лексикографических источниках XVIII в. (т.е. являются в языке устойчивыми словесными комплексами – пословицами):

Гора с горою не сойдется, а человек с человеком сойдется – *Góra z górą się nie zejdzie, a człowiek z człowiekiem się zejdzie.*

Ворон ворону глаза не выклювает – *Kruk krukowi oka nie wykole.*

На языке мед, а под языком лед – *Na języku miód, a pod językiem lód.*

Сие так полезно есть, как слепому зеркало – *Tyle to tu pomoże, co ślepetu zwierciadło.*

Все эти пословицы являются интернационализмами, входящими к латинскому языку.

К первой группе тесно примыкает вторая, в которой польские пословицы отличаются от русских более развернутой (эксплицитной) формой и/или слегка измененной образностью:

Kto na moloke oжегся, тот и на воду дует – Kto się na ukropie sparzy, to i na zimną wodę dmucha;

Горшок котлу насмевается – Kocioł garkowi przygania, a obydwu smolne;

Малых воров вешают, а больших прощают – Małych złodziejów wieszają, a większym nic nie czynią;

Рубашка ближе к плечам чем кафтан – Bliższa koszula ciała, ani żeli suknia;

Яйца курицу учат – Mędrsze jajca niż kury.

В эту группу попадают и единицы, которые находятся как бы на стыке второй и третьей группы, т.к. при их переводе явно ощущается влияние русской поговорки, т.е. дается буквальный перевод, калькирование русской единицы, хотя соответствующая поговорка, слегка отличающаяся по компонентному составу, но полностью совпадающая по всем остальным параметрам есть в польском языке (и была в XVIII в.):

Бездонной кадки, водою не наполнишь – Bez dna beczki nie napełnisz (см. NKP: *Beczkę, która dna nie ma, trudno napełnić* (NKP 1, 72) *Dziurawego woru nie napełnisz* (NKP 3, 765)

За кем щастие за тем и люди – Gdzie jest szczęście, tam i przyjaciele (подобной фиксации нет, хотя эта латинская поговорка употребляется в Польше с начала XVI в.)

Бешеному не давай ножа в руки – Szalonemu noża nie dawaj do rąk (во всех вариантах этой поговорки в польском языке присутствует компонент *меч*, а не *нож*).

Знать сову и по полету – Znać sowę i po locie (в польских вариантах этой поговорки сова узнается только по голосу (NKP 3, 912).

И, наконец, третья группа поговорок (весьма внушительная – 8 ед.), которые переведены буквально (слово в слово), т.е. калькированы:

Скорбная вещь есть нищета – Najnieznośniejsze jest ubóstwo.

Как скоро из глаз, так и из памяти вон – Skoro z oczu, wnet i z pamięci.

Худые ведомости все веселие испортили – Niepomysłne doniesienia całą radość zmieszały.

Там добро, где хлеба довольно – Tam dobrze, gdzie na chlebie nie zbywa.

*Скоряе можно медведя грамоте науцить, осла плясать –
Prędzej można niedźwiedzia nauczyć czytać, a osła tańczyć.*

Гни дерево как еще гнется – Gniej drzewo gdy się giąć daje.

На упрямого дубина – Na upartego dubina.

*Какому быть в старости, малы лета объявляют – Jakim
kto będzie na starość, młode okazują lata.*

При этом они не производят впечатления искусственно созданных в польском языке, т.к. в основном являются латинскими по происхождению, поэтому не содержат национальных реалий, затрудняющих обычно перевод фразеологизмов и пословиц. О том, что это кальки с русского, свидетельствует лишь отсутствие этих единиц в польских фразеографических источниках.

Если К.А. Кондратович избегал буквального перевода фразеологизмов, подбирая для польских фразеологизмов русские лексические или фразеологические соответствия, используя свой богатый русский материал, то составитель «Букваря», прекрасно зная польский язык, видимо, не затруднял себя поиском соответствий в словарях польского языка, а использовал свой языковой багаж. Представляется неоправданным и выбор пословиц, которые были далеко не самыми известными в России, что подтверждает фиксация большей их части лишь в одном источнике, в «Немецко-латинском и русском лексиконе», а не в сборниках пословиц, которые к тому времени уже были опубликованы в России⁹.

Анализ перевода пословиц в польско-русском словаре Д. Бартошевича (см. подробнее: Николаева 2007) позволил нам в свое время сделать вывод о том, что составители двуязычных словарей более тщательно (в отличие от писателей и переводчиков) относились к подбору русских пословичных эквивалентов / аналогов, не используя языковую близость, а скорее, наоборот, стараясь развести польские и русские единицы, в ряде случаев даже отказываясь от приведения полных эквивалентов. Словарь К. Кондратовича подтверждает это наблюдение, что же касается составителя «Букваря», то его отношение к переводу пословиц скорее ближе к писателям, часто калькирующим польские или русские пословицы, используя языковую близость (Николаева 2007: 163).

⁹ Барсов А.А. Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770. 244 с.; Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью привосокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. СПб., 1769. С. 109–125.